

Ж И З Н Ь

В П Р О Ф Е С С И И

ЭЛИТА ДО ВОСТЕБОВАНИЯ

Антон Зверев

Рассказ об удивительном лице под Санкт-Петербургом — самом точном на планете двойнике прославленного Царскосельского собрата, расположенном в старинном Павловске, в пяти километрах от оригинала. С историческими отступлениями, методическими озарениями и развенчанием мифов, доселе неприкасаемых.

Есть, как ни странно, общая, чисто служебная проблема у главы всея Руси и обыкновенного завмага из села Заволюновка. Вы будете смеяться, но... Некому дело передать в надёжные руки. Беда у нас с этим. Кадровый вопрос запущен донельзя.

Уже в Белом доме причитают: мы, говорят, проедаем последние остатки комсомола. Умение вести миролюбивый конструктивный диалог, проявлять черты социального лидера встречается все больше в криминальных сферах. В высшем же управленческом звене грядёт, по всем приметам, поколение профанов и кухарок. Но необычайно гибких станом и нечистых на руку.

Образования, ответственности, нравственности (а если коротко: «ООН» — именно так звучит девиз школы имени Горчакова в Павловске) — вот чего явно не хватает потенциальным претендентам на власть. Будь то в Кремле или в Богом забытом сибирском селении. Хотя даже в ООН, говорят, с этим теперь напряжённо.

Хорошее время. Гут цайт

Знаменитый Царскосельский (Александровский) лицей, признанный не так давно ЮНЕСКО лучшим учебным заведением в истории цивилизации, закрылся в 1917 году. Мысль возвести к 200-летию великого поэта «действующий памятник Пушкинскому лицей», соединив прошлое и будущее, пришла в голову известному на берегах Невы предпринимателю, благотворителю и ресторатору. Доселе, впрочем, интереса к педагогике не проявлявшему.

Его зовут Сергей Эдидович Гутцайт. Всё, что задумал, он доводит до конца и выполняет, пользуясь его любимым словом, тщательно. Даже фамилия амбициозного благотворителя звучит в переводе многообещающе: «хорошее время», гут цайт!

С его переездом из Одессы в Павловск, бывшую загородную резиденцию русских царей, что-то тут и вправду изменилось. Для поклонников классической архитектуры, живописи, музыки — уж точно.

**Ещё в ученические
годы Пушкин предрёк
Горчакову карьеру
дипломата, присвоив
ему прозвище
«Le diplomate».**

**Юным «горчаковцам»
не дают заданий на
дом: всё-таки элита!..**

Человек построил две гостиницы по новой, европейской технологии: можно разобрать и снова собрать. Отремонтировал старинный павильон в одном из живописных парков, где теперь идут бесплатные концерты для гуляющих.

Станный такой бизнесмен — о людях думает, о вечности. Спешит творить добро. В наше-то нещепетильное время.

Мысль о собственном педагогическом эксперименте вынашивал молча, годами. Долго и скрупулёзно обсуждал с профессорами из Москвы и Питера.

Сначала думали внедриться (кроме шуток) в Царское Село. Но, слава Богу, передумали, сообразив, что было бы нехорошо, неправильно учиться и учить ребят под сводами музея. Да и к чему, когда рукой подать до Павловска с его архитектурными и натуральными ландшафтами, столь живо и естественно напоминающими царскосельские.

Хорошее время. Прекрасное место. И дом подобрали со вкусом — бывшую дачу архитектора Брюллова. Тоже памятник национального значения. Изящная башня, обсерватория, флигель. Несколько классов, 18 комнат для ребят — будующих сливок общества.

«Аристократам духа» не давали прочных знаний?!

— Я умру, а школа будет, — говорит Сергей Эдидович. — Это принципиально. Понимаете?

— Ну а какой она была при Пушкине, кто знает? — обращаюсь к юным лицеистам.

— Расскажите! — требуют с порога.

Парадокс. Сколько в стране школ с гордыми табличками «Лицей», талантливейших лицееведов, умнейших, многоуважаемых исследователей глубоководных недр отечественного образования, но у кого ни спроси о тайне самого блистательного, пушкинского выпуска одноименного лицея — жмут плечами или отдельваются выпреними штампами. Ну, например, таким.

*Легенда номер один: говорят,
что первым лицеистам просто
повезло с учителями и,
естественно, с друзьями.
Стечение событий, игра случая.
И вся, мол, великая загадка.*

Рассмотрим беспристрастно эту версию. То есть допустим, что подростков сюда действительно принимали по строгому, честному конкурсу знаний и умов. И что, кроме того, они от природы были наделены особо выраженной склонностью к наукам.

Стоп. Но, по свидетельству биографов, Антоша Дельвиг начал говорить только в четыре года. «Память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году (значит, Дельвиг был уже второкурсником лицея. — А.З.) он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке», — вспоминает его знаменитый одноклассник и собрат по Музе, прозванный тут же «Французом».

Первые утренние лекции Антон обыкновенно игнорировал: он спал. Да так любил Морфея, что подростки ради шуток подарили раз ему снотворный порошок (одна из лицейских легенд подхваченная многими историками).

А Вильгельм Кюхельбекер, глуховатый на одно ухо, с вечно кривящимся ртом и периодическими нервными припадками? Чемпион лицея по количеству прозвищ, да преобидных: Кюхель, Гезель, Вилля... Любимый объект убийственно-язвительных пародий. Вот хотя бы пушкинский отзыв о товарище:

Как едко над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет!

Вконец заклёванный друзьями, Кюхля однажды чуть в ближнем пруду (сегодня — памятник национального значения) не утопился. Исторический, однако, факт.

Были жестокие кулачные бои, воспитанников наказывали карцером, «чёрным столом», сажали на колени в угол. В их среде обозначались даже свои старики и салаги. Прямо армейская казарма лучших советских времён. Вот вам и «золотой век» педагогики.

Да полно, обычные дети. Зато в преподаватели им дали абсолютно замечательных и совершенно выдающихся профессоров. Хотя... По логике выходит, что на протяжении ста с лишним лет последующей истории здесь собирались педагоги, извиняюсь, второй свежести?

Нет, всё это малоубедительно и слишком тривиально. Стандартные публицистические восклицания ослеплённых солнцем пушкинской поэзии лингвистов.

Или пишут, что рецепт чуда в том, что это было закрытое учебное заведение. Каникул нет. Детей не выпускали даже в ближний Петербург. Но почему в одном закрытом интернате процветают бурса, самодурство воспитателей, а тут — в один прекрасный миг вдруг воцаряются свобода, равенство и братство без границ?

Бедный Лицей! Недавно где-то прочитал, что якобы в нём с 1811-го по 1817 год не давали жизненно необходимых знаний, не учили применять их в жизни. Это была, мол, только так, «проба пера». Не очень, стало быть, удачная. Так, что ли, понимать прикажете, товарищи высоколобые эксперты?

Что ж, дай Господь ещё бы только раз отечественной школе так «попробовать перо»!

Легенда номер два: в лицее периода 1811–1817 гг. студентам не давали прочных ЗУНов.

Правильно, Пушкин со товарищи учился каких-то несчастных шесть лет, без малого. Тогда как любой его современный сверстник греет школьную скамью чуть ли не вдвое дольше. Прибавим вуз — уже треть жизни. Вот капитальное действительно образование.

А ведь первенцы лицея, скажем откровенно, и к занятиям приступили на полтора месяца позже назначенного государем срока. Только лишь 19 октября 1811 года. А выпустились — на четыре (!) месяца ранее того же, высочайше утверждённого графика, то есть не 19 октя-

бря, как планировалось, а 9 июня. Официальная трактовка — из-за необходимости срочного ремонта зданий.

Халтура какая-то вместо обещанного Праздника культуры, Эталона государственного храма знаний, питомника высших государственных чинов. И, правда, чего там успеешь за шесть лет?

При этом дружным хором утверждают, что из стен лицея вышли настоящие энциклопедисты, аристократы духа, интеллектуальный цвет и совесть нации.

Ну, просто детектив! Как же, однако, всё у нас запущено. В теории прежде всего.

Споры кипят, книг о лицейском чуде миллион, но никто пока не решился повторить один в один тот беспримерный трюк, который **ненароком** (это важно!) получился у организаторов великого учебного эксперимента. Усадить в один класс, рядком, не одногодок, как положено, а всех детей подряд, какие выдержали «генеалогическое испытание» (прошли «смотрины» по знакомству), в возрасте от 10 до 15 лет. Назначить им в наставники профессоров, которые в большинстве нигде ещё не преподавали. Отменить переводные экзамены из класса в класс. (Юный Пушкин продекламировал свои стихи — вот вам и весь экзамен по русской словесности. Где-нибудь ещё такое видели? А как же ЕГЭ? Тесты на определение суффиксов и окончаний? Воспроизведение дат жизни и особенностей творчества великих предшественников?) Полностью упразднить оценки, заменив их «неопределёнными» (Е.А. Энгельгардт)

Тот самый Лицей в Павловске.
Фото В. Кочеткова

развёрнутыми педагогическими резюме — личными характеристиками студентов. И, наконец, обозвать всю эту невиданную мешанину древнегреческим словом «Лицей», о секретах уклада которого первые преподаватели и лицеисты знали, пожалуй, не намного больше нашего.

Чуть не забыл: ещё и уравнивать по статусу этот образовательный гибрид с ведущими российскими университетами («Постановление о Лицее», пункт 14).

Что же всё это изменило? Что перевернуло в душах (снова простите, читатель, и этот эпитет) подопытных кроликов?

Будущие президенты любят задавать вопросы.

Фото В. Кочеткова

Сегодня любая школа, будь она трижды лицеем, судя по красочной, престижной вывеске, настроена на вуз. Всем своим расписанием, внутренним пафосом, механикой воздействия на личность. Отсюда и угрозы, и насилие: «Делай, что говорят! Если провалишь экзамены — забреют в солдаты! Или пойдёшь хвосты коровам крутить». Этот вековечный страх «не поступить», необходимость изо дня в день готовиться к следующему, «более серьёзному» учебному аттракциону на девять десятых и предопределяет наше поведение в классах. Да и поведение самой школы на рынке рабочих рук: она ни за что особо не отвечает, только готовит к вузу и выдаёт аттестаты. Цели обозначены, ответственности никакой или предельно мало, вопросов у общества нет...

Один из сокурсников Пушкина, ставший, кстати, государственным секретарём, барон Модест Андреевич Корф отнюдь не сгоряча назовёт в своих поздних записках лицей «не университетом, не гимназией, не начальным училищем, а какой-то безобразной смесью всего этого вместе; заведением, не соответствовавшим ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цели». Так-то. Получите — распишитесь!

Странно, ведь в том же подписанном рукой царя «Постановлении о Лицее» задача была заявлена яснее ясного: «Воспитанники, по окончании наук, поступают в гражданскую службу с чинами, по успехам, от 14 до 9 классов; а в военную на тех же основаниях, как и воспитанники пажеского корпуса».

Чем не особенная цель — стать государственными чиновниками столь уважаемого ранга? Вдобавок дети жили и воспитывались при дворе — будущем месте работы. Иначе говоря, связь с жизнью, с производством была максимально плотной, очень органичной. На зависть остальным (вчера и сегодняшним), страшно далёким и оторванным от жизни «фабрикам дипломов», как и их заложникам. Право же, более цельного учебного заведения свет (простите каламбур) ещё не видел. Оно обеспечивало гарантированную должность. Разве мало? Потому-то, очевидно, и вступительные страсти вокруг новой разновидности образовательных пенатов разразились далеко не шуточные.

ШКОЛА-ДОМ-МУЗЕЙ

Вы заметили? Дети в нашем, больно уж практичном веке перестали задавать вопросы. Разочаровались? Всё узнали? Утомились от общения?

Наоборот, изголодались. В школе Горчакова кого из будущих «сливок общества» ни спроси, что они больше всего ценят, у всех на устах — «общение». Обожают откровенные беседы с учителями во время вечерних чайных церемоний

и со звёздными гостями. Весной к ним приезжал бард Олег Митяев, в июне — президент Балтийской коллегии адвокатов Юрий Новолоцкий. Много раз навещался Михаил Жванецкий (они с Гутцайтом давно дружат, вместе заканчивали одесский Институт инженеров морского флота), читал свои новые вещи. А гендиректор компании «Невский синдикат» Андрей Бакланов в первый же день знакомства принял решение разделить с автором уникального педагогического эксперимента заботы по финансированию школы.

Елена КАЗАКОВА, директор школы им. А. Горчакова:

— В российской культуре, частью которой становится и педагогика, есть три красивые легенды. О Царскосельском лицее, Республике Шкид и о Коммуне юных фрунзенцев вместе с «Орлёнком» 1960-х гг. Что там было правдой, что мечтой, не знаю. Но это был чистейший свет, который до сих пор струится в воздухе и вдохновляет. Частью коммуны стал для меня Олег Газман. Для России он сделал более, чем много. Традиция моделирования коллективной творческой (и трудовой, разумеется) деятельности, концепция педагогической поддержки в версии Газмана, методика и методология орлятской педагогической школы, — всё это взял на вооружение и наш лицей. Я никогда не видела Фаину Яковлевну Шапиро, стоявшую вместе с Игорем Ивановым у истоков коммунарской педагогики, но знаю: мы в одной идеологии. Культура общая. И цели: сделать жизнь такой, чтобы она и просвещала, и воспитывала. Не отделяя одно от другого.

У детей, говорите, кончились вопросы? Талантливый телеведущий (питерцы помнят его по передаче «Выход в город»), преподаватель социологии Валерий Татаров предложил девятиклассникам новый вид педагогических услуг — переписку по «мэйлу». Завалили письмами!

«Почему так много людей голосуют на выборах «против всех кандида-

тов»? Им что, безразлична судьба государства?» (Антон Тимохин)

«Как можно политически нейтрализовать г-на Лукашенко, чтобы состоялся союз России и Белоруссии?» (Без подписи.)

«Откуда у нашего народа неискоренимая привычка любить власть зажмурясь, не взирая на качество собственной жизни?» (Алексей Гильденберг)...

Елена КАЗАКОВА:

— Недавно рассказывала им об Антоне Макаренко.

Что бы там ни говорили про эпоху всеобщей и обязательной «партийной выправки» тех лет, он-то был гениальный технолог. И личность весьма цельная, свободная. Такие имена дают возможность гордиться своим прошлым, страной и культурой.

И.Е. Репин. На акте в лицее

16-летнего Егора Путру мы застали в книжном холле за компьютером. Девятиклассник готовил авторское исследование по материалам биографии князя и дипломата Александра Михайловича Горчакова — духовного покровителя этой школы. В лицее времён Пушкина, напомним, у князя — племянника военного министра — был собственный «дядька», отданный ему в услужение из дома, дабы смотрел за поведением барина. Его уважали за талант, а он очень высоко ценил творчество тёзки — Пушкина. «Горчакова отличала железная воля, целеустремлённость, изумительная преданность друзьям, — говорит Егор. — Именно эти качества мы и стараемся в себе развить...» На столе зазвонил телефон. Извинившись перед гостями, снял трубку: «Школа Горчакова, добрый день!» Дежурный референт-

Первыми студентами Царского лицея были «разногодки» в возрасте от 10 до 14 лет. Их приняли сюда по знакомству, а не по годам.

Карл Павлович Брюллов, автор «Последнего дня Помпеи», был ещё мастером парадного портрета («Всадница», 1832).

телефонист, он же начинающий менеджер, а может, политолог...

Елена КАЗАКОВА:

— Когда мы познакомились с Сергеем Гутцайтом, я была первым проректором Института специальной педагогики и психологии в Санкт-Петербурге. Консультировала всякого рода авторские школьные проекты. В конце 1990-х мне предложили встать на капитанский мостик «Школы-кругосветки». Уже был арендован корабль. Предполагалось учиться и путешествовать одновременно. Увы, не состоялось. И вот «сухопутный» проект от Гутцайта. Собеседник показался ярким, но далёким от образования, от наших школьных будней человеком. Да, видно, от судьбы не убежишь! Коллега по институту, читавший детям у Гутцайта одну из наук, увёз с собою в Павловск. Я не пожалела. Именно тогда Гутцайт проговорился, что хотел бы воскресить бессмертную легенду. Я задумалась: а что? Как ни крути, но это шанс...

Уважением к минувшему (первое качество, по которому Пушкин отличал «истинную образованность от дикости») дышит здесь каждый миллиметр.

Бывшая дача семейства Брюлловых в Павловске стала их колыбелью, предметом гордости и основным рабочим местом. В музее всё-таки живут. И учатся. И экскурсии для приезжающих со всей России учителей проводят по комнатам, где сами чинили паркет, клеили обои, заводили старинные ходики, перебирали архив хозяина — архитектора, участвовавшего в проектировании Зимнего дворца.

К стене старинного особняка умелой, бережной рукой привинчена мемориальная доска: «Дача А.П. Брюллова. Построена в 1837—1839 гг. Архитектор А.П. Брюллов». Мелочь? Но не из них ли, собственно, и складывается личность, человек культурный, подлинная педагогика поступка, прочно слитого с теоретическими знаниями, убеждениями?

В своём ресторане «Подворье», расположенном в десяти минутах ходьбы от Павловской школы, Сергей Эдидович Гутцайт потчевал деликатесами (притом не однажды) Катрин Денёв, принца Чарльза, Владимира Путина. Поговаривают, что в международной карте блюд нет угощения, которое в «Подворье» готовят дольше десяти минут. Ну, максимум за четверть часа. Главное, цены демократичные. И сервис, разумеется, не уступает европейскому, под стать всем начинаниям Гутцайта.

В самые тёплые дни года здесь проходят практику старшие воспитанники «школы для будущих президентов». Помогают профессиональным официантам сервировать столы во время выездных трапез на природе, служат помощниками поваров, косят траву, осваивают ремесло городского садовника, секретаря, курьера, кулинара. И зарабатывают, на зависть сверстникам (изнывающим в каникулярную пору не только от жары), от 3 до 6 тыс. рублей за три-четыре недели.

Любая работа, кроме «моментов самообслуживания» (стряпни по выходящим, мытьё посуды, выноса мусора), должна быть оплачена. Это педагогический принцип создателя школы Сергея Гутцайта.

Кстати, прежде чем стать одним из законодателей гастрономической моды северной столицы, этот «новый русский педагог» выращивал скот, торговал собственноручно выращенной кинзой и петрушкой, кроил одежду на заказ, плавал коком на яхте. Перебравшись в Павловск, «вложился» в благоустройство Еленинского парка (давние владения великой княжны Елены) в 42 гектара общей площадью. Сердцем проекта стала, однако, школа.

Да, частная. Но никаких крутых затей вроде зимнего сада или музыкального фонтана тут нет и никогда, говорит учредитель, не будет. К чему действительно все эти изыски, когда вокруг великая страна лежит. В руинах. Работы непочатый край.

Вдоль всего лестничного марша поручни витых, старинных перил утыканы кнопками. Равномерно, через каждые пять сантиметров. Вот тебе и воспитание тонких аристократических натур. «Техника безопасности», — поясняет Гутцайт. — Чтобы мальчишки не катались...»

Заданий на дом не дают. Берут! Сами ученики придумывают и готовят. И шкала оценок интересная — шесть накопительных баллов. В обычных школах, как известно, вычитают из пяти. У них — наоборот, прибавляют. До шести и даже выше, жёсткого предела нет. «Неудов» при такой системе не бывает. Чувствуете разницу? Подростков берегут от никому не нужных огорчений, позволяя им до бесконечности копить и развивать свои достоинства, способности. И — баллы.

«Ещё здесь ценно то, — делится девятиклассник Дима Румянцев, — что нас учат не бояться выступать перед большими залами. Недавно я делал публичный доклад по математике «Что такое аналогия». Ещё? Готовил творческий отчёт по итогам поездки в Париж, участвовал в выпуске газеты «Уголёк» — по материалам путешествия в Грецию».

«Встанут ли эти дети у руля страны? — задумывается на секунду меценат Гутцайт. — Посмотрим. Головой отвечаю, что все до единого пишут стихи. Думаю, если и войдут во власть, то командой. Поодиночке — сомнут. Поэтому, наверное, и создавался по указу Александра I легендарный лицей. Чтобы уж если пришли к управлению державой, то всерьёз, надолго. Вообще о результатах предлагаю поговорить лет этак через двадцать. Педагогика — дело небыстрое...»

Семья вместо класса. Тайна Лицея разгадана?

«Разница лет и подготовки воспитанников была самым существенным пробелом первого набора», — заключает автор со-

временной повести «Лицей» (1972 г.) Л. Дугин. Ему вторит Модест Корф, общий любимец, самый младший одноклассник Пушкина в Царском Селе. «Нас надобно было, — рассуждает он в одном из личных писем, — разделить по летам и по знаниям на классы, а посадили всех вместе и читали, например, немецкую литературу тому, кто едва знал немецкую азбуку».

Ну а что же сам Александр Сергеевич? Скромно промолчал? На наше счастье, нет. Своё рекордно краткое педагогическое завещание-признание он уложил всего в три строчки. Да и те зашифровал из неизвестных нам соображений суперосторожности под итальянскую терцину и вложил в уста безвестного (скорее всего, вымышленного) героя эпохи раннего Возрождения. Вслушаемся в легендарную строфу:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья...

Не понимаю, что такое «ровная семья». Это, скорее всего, класс (в котором Поэт, к счастью, никогда не побывал), обычный одномерный коллектив ровесников, выстроенный по единой интеллектуальной планке, по стандартному лекалу «одногодства». Но Пушкин вовсе не оговорился в этом прозорливом, если не сенсационном наблюдении. Некоторые исследователи, кстати, видят в этих строчках начало автобиографического повествования о первых творческих опытах гения. Он, кажется, нарочно подчеркнул и выделил словом «**неровная**» принципиальную особенность их выпуска.

Неровная (или «неравная», по одному из черновиков) семья. Этим всё сказано? Не здесь ли сформулирован главный педагогический закон свободы, конкуренции умов, а не оценок и дипломов? Вскрыта тайна неутомимого взаимообучения, неодолимой обоюдной тяги соучеников друг к другу и **особой продуктивности**, если так можно сказать, первых лицейских воспитанников?

Ау, господа либеральные модернизаторы отечественной школы XXI века! Может быть, вот он, искомый ответ? Причём сразу на многие вопросы, которые давно томят не только вас, но целую страну.

Но обратимся к фактам; пусть читатель судит по ним сам.

После непродолжительной притирки новичков друг к другу лицей начинает понемногу превращаться из официального учреждения в некую независимую корпорацию умов, распадается на сеть подвижных, беспрестанно возникающих и гаснущих мини-лицеев, «плавающих» клубов, «партий» (Е. Энгельгардт), студий по интересам, открытых на вход и на выход для всех без отбора и оговорок. Даже, представьте, для всезнающих академических профессоров.

Иван Пуштин вспоминает: «Образовалась товарищеская семья, в этой семье — свои кружки...» Вильгельм Кюхельбекер прощщает Антона Дельвига по части немецкой словесности, Дельвиг

преподаёт тому взамен уроки отечественной литературы. Пушкин слышит в своём кругу ходячим справочником по французской филологии, Пущин («Иван Великий») — по юриспруденции, истории, Фёдор Матюшкин («Плыть хочется») — по мореходству...

«Было время, — вспоминает лицеист Сергей Комовский, — когда мы все почти, как бы понуждаемые будучи какою-нибудь силою, стали друг с другом заниматься языками, особенно французским и немецким...»

Учились друг у друга. «Типография Константина Данзаса...» (компьютеров ещё не придумали, поэтому он был бесшумным переписчиком лицейских журналов — славился каллиграфическим почерком), «...цензор — барон Дельвиг, издатель — Денис Корсаков...» **Игра в газету.**

Или, составив общий кружок, обязывают любого начать повесть, другой развивает её далее, третий вносит новые подробности... **Гимнастика воображения.**

«На местах никогда не сидим: кто хочет — учится, кто хочет — гуляет». Ничего себе «лучшее учебное заведение всех народов и времён» под императорской вывеской! Полная вольница, свобода без ограничительных флажков, пренебрежение к священным учебным обязанностям, а ещё, к чему лукавить, — братание доцентов со студентами. Вместе с двадцатилетним профессором Галичем пьют шампанское под импровизированные поэтические тосты. Или... Или всамделишная сюжетно-ролевая **игра в лицейские будни древней Спарты?**

Дело, конечно, прошлое, однако посочувствуем наставникам будущей Славы России. Это ж подумать — живая, резвая семья вместо полуживого, покорного класса.

Безусых мальчишек зачислили сразу в студенты. И довольно скоро, полагая, пришли в ужас от содеянного. Получился винегрет из первого-пятого курсов обычной гимназии. Как тут учить, чему; какие «рисовать» отметки в государственный журнал, если почти три года возрастного интервала, разделяющие, скажем, Фёдора Матюшкина и Вильгельма Кюхельбекера, это же десятилетия по нашему обычному школьному календарю. А десятилетний г-н Корф едва ли не в племянники годится по внешности и возрасту сокурснику и сыну первого директора лицея, шестнадцатилетнему г-ну Малиновскому... Принятые в классах всего мира средства устрашения (экзамены, отметки, вызовы родителей) в столь чрезвычайной ситуации, похоже, подают в отставку. Где же другие рычаги, которые работают в условиях ничем не ограниченной свободы? Кто скажет?

Могут возразить: «Оценки отменили. Эка невидаль!» И всё-таки давайте честно: нынешние дефектологи живо отсеяли бы нескладного, болезненного Кюхлю в какой-нибудь спецкласс. А ленивца Дельвига наверняка оставили бы на второй год. Довели бы парня, прости Господи, до криминала. Но ведь на то и оценка, чтобы отсеивать и исключать, давить, переводить и доводить.

Не странно ли: все, как один, новаторы от педагогики мечтают устроить школу по-лицейски, а посмотришь ближе — полицейская! С оценками, слезами, вызовами на ковёр «самой широкой общест-

венности». А потому что школа в нашей голове — это учреждение: пришёл и сиди, от звонка до звонка. Стены, перегородки, клетки. Видимые и невидимые. Стена-класс, стена-урок, стена-предмет. Звонки, кстати, та же сплошная изгородь, но только возведённая во Времени.

А тут — полнейшая неразбериха, вольница, хаос. Учитель в силах только окружать студентов многоцветьем знаний до востребования. Чтобы любой нашёл в этой галактике свою систему фактов и координат, свой вектор, взгляд, сюжет, намёк на будущее ремесло; свой, личный ракурс видения мира. Этим только и можно удержать. Свободой, то бишь необходимостью выбора. Так, собственно, это и было в Древней Греции, где школы не имели обязательной программы (а уж наук — тем более), а свободные учителя открыто торговали на «образовательном базаре», кто чем может.

...На базаре. Или всё-таки на рынке?

Досье

Частная школа им. А.М. Горчакова основана в 1999 г. предпринимателем и меценатом С. Гутцайтом. Сверхзадача: образованность выпускников должна удовлетворять самым высоким требованиям к государственным деятелям, вплоть до главы государства. 37 мальчиков с 6 до 17 лет владеют двумя языками; осваивают автодело, азы культуры речи, ведения дискуссий, верховую езду. У каждого — индивидуальный учитель музыки (от баяниста, флейтиста до барабанщика). Ежедневно перед обедом гоняют в футбол или теннис, не хуже наших парламентариев.

Образовательные странствия — один из фирменных «приёмов». Прошли «По пути Калевалы» (Карелия), познали «Уральскую сказку Бажова», сделали круг по «Золотому кольцу», изучали быт кавказцев на Эльбрусе. Катались на верблюдах в Египте, плавали на лодках по китайской Венеции, исследовали национальный нрав испанцев — в Испании. Основатели школы делают всё, чтобы ребята стали

патриотами, свободными от преклонения перед «чужим».

Постскриптум. Как готовят элиту: у нас...

Первый в России Пажеский корпус, призванный готовить к военной и государственной службе детей высшей знати, открылся в 1759 году в Петербурге. Привилегированное «придворное училище» находилось в ведении императорского двора. После пяти лет классов первые шестнадцать выпускников назначались камерпажами к членам императорской фамилии: царю, царице, великим княгиням. Поэтому родители, имевшие связи, изо всех сил старались, чтобы дети попали учиться именно сюда. Однако нравы, царившие в закрытом интернате, не отличались изысканностью. «Старики» — камерпажи делали всё, что хотели, — вспоминает один из здешних воспитанников П. Кропоткин. — ...Любимая игра их заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке».

В 1802 году питомник для истэблшмента реорганизован в учебное заведение по типу кадетских корпусов. Окончившие пользовались преимущественным правом службы в гвардии и специальных войсках, получали чин подпоручика (в кавалерии — корнета), а неспособные к военной службе — гражданские чины 10-го, 12-го и 14-го классов.

В 1811 году в любимой летней резиденции императора Александра под Петербургом открывается Царскосельский лицей. Шестилетнее образование в этом «гибриде университета и лицея» (М. Корф) приравнивалось к университетскому. Однако вопреки проекту первый выпуск был укорен на полгода. «Из-за необходимости срочного ремонта зданий» — официальная версия. В действительности похоже, что мечта крёстного отца лицея М. Сперанского о том, чтобы отсюда выходили «не слепые исполнители» верховной воли, а самостоятельно мыслящие граждане, сбылась

слишком буквально. Уже «после ремонта» Императорский лицей окончили М. Салтыков-Щедрин, поэт Л. Мей, составитель «Словаря русского языка» академик Я. Грот. Но подлинную славу лицеем принесли его первенцы: Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, мореплаватель адмирал Ф. Матюшкин, канцлер, министр иностранных дел А. Горчаков, директор Императорской Публичной библиотеки М. Корф. Лицей был закрыт в 1917 году.

В современной России государство де-факто, надо признать, отказалось от подготовки своих будущих стратегов и управителей. Вместо него эту заботу возложили на себя частные лица и корпорации.

К примеру, в подмосковной «Гимназии №1» (учредитель Елена Батурина, спонсор — строительный концерн КРОСТ) учатся 80 учеников. Среди них (кроме Оли и Лены Лужковых), говорят, дети Абрамовича, Юмашева, Газманова. Набор кружков и секций: от аэробики, каратэ до тенниса и театрального искусства. Плата за клубы производится отдельно. Зарплата педагогов достигает \$1000 в месяц. Питание 4 раза в день, при желании можно остаться на ночь. Три обязательных европейских языка, не считая латыни, преподают живые носители.

К услугам ребятни установка для воссоздания условий высокогорья; лечебно-диагностический комплекс, устраняющий зрительные перегрузки.

Гимназия принимает всех желающих, располагает собственным сайтом в Интернете: можно в интерактивном режиме погулять по кабинетам, рассмотрев в деталях любой элемент интерьера. На входе в элитную гимназию надо преодолеть всего один барьер: сдать вступительный взнос — 20 000 евро.

...и у них

Самая престижная и труднодоступная школа в мире — Итон (Англия) основана в 1440 году королём Генрихом VI. С тех пор находится под неусыпным покровительством королевского дома.

Итон подарил Британии 20 премьер-министров; здесь учились Эдгар По, Джордж Оруэлл, дети принца Чарльза и принцессы Дианы.

Занятия для будущих аристократов начинаются в 8.40 с обязательного богослужения и длятся до вечера с перерывом на завтрак и чай. Комплекс дворцовых (они же учебные) зданий рассчитан на 1300 учеников. Год обучения стоит 20 тыс. фунтов. Предварительная запись в «кузницу правительственных кадров» происходит уже с самого рождения и длится до 10 лет. После этого кандидата в течение двух-трёх лет тестируют. Если он сдаёт экзамены, то поступает в колледж с 13 лет. Все 250 выпускников Итона ежегодно зачисляются в ведущие университеты мира — Оксфорд, Кембридж и Сорбону.

Кстати, в школе, отметившей недавно 550-летие, до сих пор есть служащий, который отвечает за наказание розгами. Правда, самих телесных наказаний не было уже лет сто. **НО**